

18+

Ксения Эр

Ложь
№250496

Ксения Эр

Ложь №250496

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076757

ISBN 9785005169617

Аннотация

Бывают истории про детей, у которых погибают мамы, а папа вовсе не умеет принимать решения и делать выбор. Есть дети, родители которых рисуют прекрасные картины, но много пьют. Есть дети, папы которых говорят, что уезжают в командировку, а на самом деле все совсем иначе. И истории об этих детях нужно знать. Это пронзительный рассказ о пути к мечте и побегу от нее, о детских проблемах, папиной слабости и о дружбе, которая даже в детстве может быть наполнена трагедиями и взрослыми переживаниями.

Содержание

Ложь №250496

5

Конец ознакомительного фрагмента.

66

Ложь №250496

Ксения Эр

© Ксения Эр, 2020

ISBN 978-5-0051-6961-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ложь №250496

Пролог

– Когда мне было 9 лет, дедушка подвел меня к нашему зеленому гаражу и достал оттуда дорожный велосипед.

– Теперь он твой, на нем ездил твой дядя, а потом твоя мама и твои братья.

Я ни разу так и не села на него. Мама, дядя и братья умерли. Вдруг, каждый, кто садится на этот велосипед, умирает? Я боюсь.

Дом с крышей цвета распустившихся маков.

Мой отец обожает придумывать прозвища всем, кто только его окружает. Точнее, прозвищами это назвать сложно, он просто коверкает их имена на свой лад. Так мою Ба он называл Баунти, а дедушку Вову девушкой Лолой. Думаю, это странно, ведь эти люди, которые даже не его родители, а родители моей мамы, воспитывают его ребенка. Стоит ли это считать насмешкой или у моего папы просто такое юмора?

Меня зовут Ксюта, а он называет меня котопёс, хотя это не мой любимый мультик, да и звучит не совсем созвучно, но когда он это произносит, мне всегда становится теплее.

Мою маму Лену, он называл Ленором, ну знаете, такое средство для стирки. Для меня это было бы обидно, наверное. Но я никогда не узнаю, как это было для мамы. Хоть и хочется.

Еще у папы есть мама, получается, моя бабушка, но она совсем не такая, как та бабушка, с которой я живу. Ее зовут Римма, но я зову ее Бабари, потому что в детстве выговорить полностью было сложно, а сейчас уже все привыкли к тому, что я зову ее так. Мой второй дедушка, тот, который ее муж, работал ветеринаром, и не жил уже давно вместе с Бабари. А больше я ничего не знаю, может когда-то он обидел её, поэтому они теперь живут раздельно?

Папа оставил меня жить с бабушкой и дедушкой, сказав, что им тяжело потерять мою маму, их дочку, и со мною им будет намного веселее, а с ним мы обязательно будем видеться. В этом же нет ничего плохого?

Поэтому теперь мы живем с бабушкой и дедушкой. Они хорошие, и почти всё мне разрешают. Мне это, конечно, нравится, но я скучаю по папе.

Вдруг бабушка с дедушкой специально не разрешили мне жить с папой, чтобы заглушить через меня свою боль от потери мамы, и потери внуков, двух моих братьев. Вдруг они поступили эгоистично?

Так бывает?

У них очень красивый желтый дом с яркой красной крышей, а ещё черно-белый кот, которого мы взяли ещё вместе

с мамой на рынке, стало быть ему уже семь лет, ведь мне тогда было два года. Мама назвала кота Ч/б, и, когда я спрашиваю у бабушки сейчас, что это значит, она говорит, что моя мама очень любила кино, особенно черно-белое, как и кот. Поэтому она его так и назвала, как в сокращении называют такие фильмы. Можно ли его считать котом с историей?

Думаю, да.

У каждого есть своя история.

Рядом с нашим домом пустые кроличьи клетки, дедушка давно перестал ими заниматься, а ещё вишневые деревья, саженцы которых подарила моей бабушке ее подруга, и любимое дедушкино сливовое дерево, о появлении которых я еще расскажу дальше, еще есть сараи, в которых что-то отыскать может только дедушка и никто другой. Это будто его планета. Дедушка говорит, что у каждого должно быть место, где он чувствует себя счастливым.

Надо жить с тем, кто тебя любит больше или с тем, кто **ЛЮБИТ?**

Не знаю, что будет дальше, но сейчас это мой дом.

Дедушка высокий, и у него огромный живот. Его любимая одежда-красно-белый полосатый свитер, синие спортивные штаны и черные ботинки. Все свободное время он изобретает машину, которая сможет ездить, питаясь только от солнечной энергии, а то время, которое у него несвободное, он проводит летом на грядках, а зимой дома на старом кресле, слушая с бабушкой романсы.

Бабушка плохо ходит из-за болезни, и потому она почти все время дома. Я не знаю, как ей хватает сил держаться такой доброй и веселой, видя каждый день одно и то же. Она говорит, что она очень любит меня, и ждет не дождется, когда пройдет нога, чтобы пойти со мною по магазинам. Я тоже этого жду, потому что моя бабушка это самый прекрасный человек на земле, а никакая не Баунти. А еще она говорит, что самое главное у нее прямо под носом, и для этого ей никуда не надо идти. Когда я вопросительно смотрю на нее после этого, она смеется и говорит: «ты, дед, да пионы под окном». Я отвечаю шутя: «и кот под столом». Она широко улыбается, стучит рукой в такт по коленке и заявляет: «нескладушки, неладушки, прямо тебе по макушке».

Готова поспорить, что у нее самое огромное сердце в этом мире.

Они же не могут быть эгоистами?

Для того, чтобы узнать их, уже достаточно, а дальше будет история.

Как я появилась?

Обычно, когда у людей спрашивают историю знакомства их родителей, или как они начали жить вместе и так далее, то все сразу же рассказывают красивые фильмовые истории, но в моем случае все было крайне смешно.

Мои мама и папа познакомились на дискотеке, а потом

начали гулять друг с другом. Однажды вечером папа не пришел домой, хотя было уже поздно, и тогда Бабари позвонила на стационарный телефон моей бабушке. Та сказала, что они с моей мамой уже спят, и папу она будить не будет.

Бабари была в ярости, потому что папа тогда учился в институте и соответственно думать должен был только об учебе.

– Пусть Саша встает и идет домой, ему завтра рано вставать, – закричала в трубку Бабари.

– Он не может пойти... – замялась моя бабушка.

– Как это не может? – вопила Бабари.

– Я... ему курку постирала. Она еще вся мокрая.

– А он просил вас стирать эту куртку?

– Там воротничок был грязный, вот я и постирала, – сконфуженно ответила моя бабушка.

Бабари тогда бросила трубку, а моя бабушка наверняка посмеялась и пожалала плечами. Она была абсолютно уверена, что в ту минуту сделала все правильно, а папа с того момента остался и больше не уходил. Так, через год, появились мои близнецы, а еще через три года они погибли, а еще через два года родилась я.

Мама сначала очень любила меня, а потом она заболела и стала злой.

Когда мне было страшно.

Мне четыре. Мама еще жива, и от смерти близнецов она сходит с ума. Ее часто не бывает дома, и оттого бабушка плачет.

Дедушка говорит постоянно про окна, и что их нужно заколотить, чтобы моя мама не разбила их ночью.

Я не понимаю, зачем моей маме бить стекла. Бабушка не разрешает ему ничего заколачивать, потому что верит, что у мамы просто сложный период, и все обязательно наладится. Когда я ложусь спать, дедушка берет из своей спальни венский стул и садится прямо перед моей кроватью. Раньше он был инженером-конструктором оружия, и с этих времен, у него остался небольшой охотничий пистолет. У него крошечные пули, похожие на кедровые орешки. Дедушка говорит, что он не может причинить боль людям.

Когда я засыпаю, он немного смыкает глаза, и сидит со мною до самого утра, а тот самый пистолет лежит у него на коленях.

Я не знаю, зачем.

Когда мне было еще страшнее.

Мне пять, и на улице совсем темно. Мы уже легли спать. Я плохо помню, как все началось. Помню звук, а потом крик, гулкие шаги дедушки в зал.

Я кричу и смотрю на маму, которая машет мне рукой, чтобы я уходила спать к себе комнату. Дедушка закрыва-

ет меня собой и стоит рядом. Бабушка лежит на кровати, а мама стоит рядом с ней, в ее руках большой кухонный нож. Дедушка шагает назад, чтобы за его спиной я смогла пройти к себе и спрятаться. Я не прячусь, и растирая слезы по щекам, выбегаю на улицу. Прямоком сквозь дырку в заборе, попадаю к соседям. Стучу им в дверь, и с трудом выговаривая слова, говорю, что у меня дома мама стоит с ножом. Не могу перестать плакать, и начинаю задыхаться. Сосед быстро выбегает из дома, и берет меня на руки. Вместе мы бежим к нам домой, он стремительно заходит в зал, и хватая мою маму за руки, а потом кричит и тянет ее на улицу. Бабушка плачет, а я стою рядом с ней, не зная, какой будет следующая минута. Дедушка идет за ними, и они снова долго кричат, только теперь на улице. Подходя к окну, я вижу их силуэты в расплывчатом свете фонаря с соседней улицы.

Дедушка возвращается один и садится рядом с бабушкой.

Он кивком показывает мне, что бы я шла в свою комнату. В этот раз я слушаю его, потому что сейчас мне кажется, что уже все закончилось. Все прошло.

Когда все, действительно, закончилось.

Мне все еще пять. Только живу я теперь не с бабушкой и дедушкой, а с мамой в квартире с огромными потолками в старом доме над библиотекой. Она очень старается, по-

кушает много игрушек, а еще водит меня каждый день в парк кормить лебедей и белок. Папа почти не приходит, а мама про него не говорит вообще, даже обижается, когда я начинаю спрашивать.

В тот день я спала, когда все случилось.

Помню лестницу, большие руки, окно, много людей внизу, неприятный запах, от которого хотелось кашлять. Помню дедушку, на руках которого я ехала обратно к ним в дом. Когда я проснулась утром там, то спросила, почему я здесь, и где мама. Бабушка отвернулась и посмотрела на дедушку. Он молчал.

Ее глаза слезились. Она обняла меня, и сказала, что мама больше не придет. Я не верила в это, потому что все последнее время она была хорошей.

Я посмотрела на бабушку и спросила:

– Она снова ушла к кому-то?

– Нет, теперь она ушла навсегда.

Я плакала всю ночь, и просила бабушку позвонить папе, но не помню, позвонила ли она, и что сделал он. Теперь мне не страшно, а больно.

Детский сад-взрослый огород.

– Наденем тебе новенькое платье, и будешь самая красивая, -говорит моя бабушка, пытаюсь, протиснуть мою голову в вырез платья, -поднимай руки, и так тяжело, -смеется она.

Я стою как манекен, и мне кажется, что руки вообще невозможно поднять, они каменные.

– Ты что, боишься? Нечего бояться, в саду хорошо, детей много, будешь играть со всеми.

Я щурюсь и чихаю, голова сами втискивается в платье, а потом влезают руки.

Бабушка поправляет мне юбку и, улыбаясь, смотрит на меня.

– Красота! Сейчас скажу деду, пусть тебя ведет.

Смотрю вниз, платье и вправду красивое, белое с маленькими ягодами малины.

– А почему папа не ведет меня в первый день в сад? -спрашиваю я у бабушки.

– Папа, папа, где же папа наш? Еще тот вопрос! -причитает она, -не переживай за это, зато мы с дедом здесь, вон он как приоделся, чтобы тебя отвести.

Я улыбаюсь и киваю ей головой.

– Вов, мы готовы! -кричит бабушка.

Я ужасно боюсь идти в сад, потому что не знаю, что это такое. Если это сад, значит там что-то растет, бывает же вишневый сад или яблоневый, дедушка часто говорил о таких, а этот детский, значит там на деревьях растут игрушки? Или конфеты?

Дверь открывается, и в комнату входит дедушка, он сначала берет меня за руку, а потом начинает щекотать и ловко схватив под подмышки, поднимает к потолку. Я расправляю

руки и касаюсь головой люстры. Надо же, снизу она громадная и далекая, а теперь вон как близко.

– Ну ладно уже, идите, в первый день нехорошо опаздывать, -серьезно говорит бабушка и открывает перед нами дверь.

Мы выходим через калитку на шумную улицу. Тепло, летают мухи, и под ногами много пыли, которую я загребаю сандалиями, и их носы мгновенно темнеют и перестают блестеть. Дедушка, заметив это, нагибается и ладонью оттирает носы моих туфель, а потом грозит мне пальцем:

– Не пачкайся, это же твой первый день. Некрасиво приходить чумазой.

Я киваю ему и смотрю налево, где весело несется разноцветный трамвай. Один вагон-красный, а другой-голубой. Машу людям, сидящим в нем, и одна из женщин машет мне в ответ. Я хитро смотрю на дедушку; заметил он или нет, а то скажет, будто нельзя баловаться, хотя это и не баловство вообще.

Проходим второй дом, третий, и вдруг дедушка останавливается и тянет меня обратно за руку, потому что я продолжаю идти дальше.

– Стой, куда ты, пришли уже, -говорит он и заводит меня в черные ворота.

Мы идем вдоль цветных клумб, в конце которых стоит белый памятник женщине с ребенком. Я думаю, что это памятник маме и ее малышу. Интересно, он понравился бы моей

маме?

Дедушка открывает передо мною зеленую, пахнущую краской дверь и подгоняет рукой.

– Входи скорее, видишь для вас все покрасили, все новое, красивое.

Мы входим в двери, и перед нами тянется большой коридор со стенами лимонного цвета, на которых всюду висят детские рисунки, красивые и не очень. Пахнет супом и кашей, которую я терпеть не могу. Где-то издали доносится цокот, и он приближается к нам, а уже через минуту перед нами останавливается высокая пухлая тетя в коричневом платье с рыжими волосами. Она наклоняется ко мне и смотрит прямо в глаза, отчего мне становится не по себе, и я по привычке прячусь за дедушкину ногу, и оттуда недоверчиво смотрю на нее.

Она быстро переводит взгляд на дедушку и, улыбаясь, спрашивает:

– Я-Галина Ивановна. Это новенькая? Как зовут?

Она наклоняется прямо ко мне и протягивает руку, чтобы я ее пожалала. У нее очень добрые глаза и большие красные щеки.

– Ксюта, – улыбаясь, говорю я, и жму ей руку.

– Что-то она взрослая у вас, – ласково говорит Галина Ивановна, и поворачиваясь ко мне, спрашивает, – сколько тебе лет?

– Пять, – сдавленно отвечаю я.

– Хорошо хоть не на пальцах показывает, -смеется она, и снова разворачивается к дедушке, -а почему так поздно привели?

– Семейные обстоятельства, понимаете, -тихо говорит дедушка и чешет затылок.

Она понимающе кивает в ответ.

– Ничего страшного, все бывает. Будет ходить во вторую подготовительную группу, там все дети уже к школе готовятся, потянет?

– Еще как потянет, – улыбается дедушка, -мы дома занимаемся с ней, она смышленная.

– Приходите за ней сегодня часиков в 11, до полудня, в первый день лучше забрать пораньше, -говорит она моему дедушке.

– Хорошо, -он наклоняется ко мне и подмигивает, а я машу рукой ему вслед, но даже не успеваю проследить за тем, как он скрывается в дверях, потому что Галина Ивановна берет меня за руку и ведет к остальным детям.

Я не знаю, как себя вести с ними, потому что мне это непривычно. У меня есть соседка Лилька, с ней мы дружим с самого детства, и поэтому я научилась с ней общаться. Бабушка говорит, что с ее мамой-тетей Ириной моя мама раньше дружила, и они больше всего любили лежать на крыше гаража в нашем саду, так они могли загорать и обсуждать всякие темы, пока взрослые не слышат. Правда, сейчас Лилька переехала, и у меня остался только один друг-Тимка. Он

тоже живет в соседнем доме, но у него престранные родители, они не пускают никого к нему, да и его ни к кому в гости не отпускают. Поэтому мы с ним общаемся так: я забираюсь на старую вишню, что рядом с его забором, с ее высоты отлично видно его двор и дом, а он садится на лавочку или просто стоит с другой стороны, и мы с ним рассказываем друг другу всякое. Выглядит, это, конечно, тоже престранным, но что делать. Успокаивает только то, что Тимке в саду, наверняка, пришлось бы еще тяжелее, чем мне.

– Проходи сюда и поздоровайся с ребятами, -ласково кивает мне воспитательница.

Я боязливо смотрю на нее, подправляю платье и вхожу в группу.

– Здравствуйте, -робко говорю я.

На меня все смотрят. Очень много глаз. Детей примерно 10, а глаз, получается в два раза больше. Перед ними за столом сидит худая женщина с вытянутым лицом. Она обводит меня презрительным взглядом так, что мне становится неловко, а потом подходит ко мне и пискляво говорит, боязливо поглядывая на Галину Ивановну:

– Меня зовут Алиса Васильевна, и я твоя воспитательница.

Я с опаской и удивлением перевожу взгляд на Галину Ивановну, которая вела меня сюда, и к которой я уже привыкла. Она водит головой из стороны в сторону и улыбается:

– Нет, милая, я не воспитательница. Теперь будешь слу-

шаться вот эту тетю, будь хорошей и послушной девочкой.

Я отворачиваюсь от них и смотрю на детей. Мальчик в синей водолазке ковыряет в носу, он смешной, две красивые девочки играют с куклой, кукла очень красивая, и девочки тоже милые. Мне не удастся рассмотреть всех, потому что моя новая воспитательница командует, чтобы мы строились парами, и готовились к прогулке.

Зачем парами?

Я не привыкла к этим детям и еще больше к их рукам.

Может я просто аккуратно встану рядом с кем-то и меня не заметят?

Замечаю девочку с длинными русыми вьющимися волосами. Она похожа на принцессу, но почему-то очень грустную.

– Как тебя зовут, -спрашиваю я, подойдя к ней.

– Софийка, а тебя?

– Я-Аксюта, давай пойдем вместе?

Она кивает, и я становлюсь рядом с ней плечом к плечу, и мы вместе выходим из двери, снова по коридору через тяжелую дверь на улицу.

Воспитательница подводит нас к небольшой поляне, где стоят маленькие качели, колесо с сидениями, на которые можно садиться и раскручиваться до тех пор, пока не затошнит, и песочница.

– За этот участок выбегать нельзя, там другие дети, наша группа гуляет только здесь, поняла? – тыкает мне пальцем воспитательница.

Я киваю головой и бегу за детьми, которые уже успели разбежаться кто куда. И тут вдруг думаю про себя, что бы сделать такое интересное, чтобы они заметили меня и начали дружить со мною.

– Коля! Коля! Пошли в песочницу, -кричит мальчик в зеленой кепке.

– Хорошо, отвечает ему кто-то прямо сзади меня, я поворачиваюсь и вижу того самого мальчика, который ковырял в носу, когда я только вошла.

Теперь я знаю, что его зовут Коля.

Он пробегает совсем рядом, за моей спиной, и бежит вперед, а за ним еще трое мальчиков, я пока не знаю, как их зовут. Подхожу к Даше и тяну ее за рукав, пока она, наклонившись к земле, разглядывает каких-то муравьев.

– Ты что? -спрашивает она.

– Пойдем в песочницу, все туда побежали.

Она крутит головой из стороны в сторону и капризно тянет:

– Не хочу, мне тут хорошо.

– Ну пошли, -продолжаю я.

– Не хочу, не понимаешь?

Всё я понимаю, поэтому показываю ей язык, и иду одна в песочницу. Мальчики достают из карманов грузовики и машинки, нагружают их песком, и возят их по деревянному борту песочницы. Один из ребят опрокидывает свой грузовик, и на машины, которые ехали сзади него обрушивает-

ся гора песка.

– Авария! -кричит один.

– Нельзя ехать! -кричит другой.

– Это песчаная буря! -кричит третий.

– Ты что, дурак, у нас не бывает песчаных бурь!

– Сам дурак, мы же играем, значит бывает.

– Пусть эта девочка предложит игру? -говорит Коля и все ребята оборачиваются на меня.

– Да, она новенькая, пусть предлагает.

– Ты что молчишь?

На меня все смотрят, и я понимаю, что это мой момент.

– Так что?

– Давайте в манну небесную?

Они во все глаза смотрят на меня и начинают громко смеяться.

– Чего? Что это за глупая игра?

– Ни разу о такой не слышал.

Я смотрю по сторонам, и вижу, что даже те ребята, которые были на качелях, сидели на траве или на лавочке, тоже стали наблюдать за нами, и я решаю не сдаваться.

В детстве я случайно увидела, как моя бабушка смотрит по телевизору какую-то передачу про Бога, которого звали Иисус, и там говорили про манну небесную, и про то как этот самый Бог кормил своих людей ей во время скитаний. Эта пища падала прямо с неба, как град или какие-то крупинки, и люди ели ее и выжили. Мне понравилась эта идея, тем бо-

лее, что песок был очень похож на эти крупинки из телевизора.

– Что нужно делать в этой игре? -спросил Коля.

– Я буду Иисусом, а вы-моим народом. Буду набирать песок в лопату, вставлять, а вы будете сидеть, и я буду сыпать его на вас всех. Вы можете есть его, а можете и не есть. Это и будет манна небесная.

Они расхохотались.

– Сама играй, -буркнул один из ребят.

– Дурацкая у тебя игра!

– Лучше бы мы тебя вообще не звали!

Мне стало ужасно обидно. Я скривила рот, чтобы никто не заметил, что я начинаю плакать, отвернулась, взяла лопатку, и стала сыпать песок на себя, лопатку за лопаткой. Ребята смеялись, и я подумала, что им нравится моя игра, просто они побоялись играть сами. И тогда я уже совсем расхотела плакать и тоже начала смеяться вместе с ними, но вдруг почувствовала, как мне на плечо опускается чья-то рука.

– Что. Ты. Здесь. Устроила.-еще более противным голосом, чем в первый раз, когда я ее услышала, и ужасно медленно сказала воспитательница, глядя мне прямо в глаза.

– Мы играем с ребятами, им нравится моя игра, -сказала я, и начала зачерпывать лопаткой еще песка.

– Убери это. Они смеются не над игрой, а над тобою. Ты не умеешь играть. А вам как не стыдно, -она грозно посмотрела на ребят, и они сразу замолчали, а потом повернулась

ко мне и добавила, -Скоро за тобою придут, и я скажу, чтобы тебя забрали из этого сада. Нам не нужны такие. Понятно? - пропищала она так громко, что ее лицо даже покраснело.

Я не знала, что делать. Кривить рот и прятаться было совершенно бесполезно, потому что слезы текли ручьями по моим щекам. Я наскоро стирала их руками, но пальцы были в песке, и от этого глаза начинали слезиться еще сильнее. У меня больше не было сил, и я закричала.

– Ну и пусть! Никогда больше не приду в ваш дурацкий сад. Вы обманули меня! Здесь совсем не хорошо! Здесь ужасно!

Дети смотрели на меня, выпучив глаза, и молчали, а я орала до тех пор, пока воспитательница не нагнулась ко мне и не сказала:

– Руку.

– Что? -всхлипывая, переспросила я.

– Пришли за тобою.-самодовольно пискнула та.

Я мигом встала, и втянула сопли, а потом посмотрела на свое платье, которое было ужасно грязное, и мне захотелось плакать еще больше, чем из-за этих дурацких детей, ведь бабушка просила меня не пачкать его. Я вырвала свою руку из руки воспитательницы и бросилась к дедушке, и уткнувшись в его огромный и теплый живот, заплакала еще сильнее.

– Что случилось, кто тебя обидел? -принялся расспрашивать дедушка, но тут подошла воспитательница, и я даже

не успела открыть рот, как она заявила:

– Она не умеет находиться с детьми, не приводите ее больше. До школы потерпите ее, а потом в первый класс пойдет, может получше дела станут.

Дедушка прижал меня к себе, и глядя прямо в глаза воспитательницы сказал.

– Мы не терпим ее, а любим, это другое.

Бабушка называет такой тон «не терпящий возражений». Для такой ситуации это самое то. Поэтому воспитательница, видимо, не найдя, что ответить ему, просто криво улыбнулась нам вслед и пошла обратно к остальным детям.

Дедушка наклонился ко мне, и вытер слезы, а потом я взяла его за руку, и мы пошли домой, где меня уже ждала полная кружка черешни, а платье бабушка, конечно, постирала, и оно стало лучше прежнего. Про манну небесную больше никому не расскажу.

Голуби и зубные феи

Сейчас август. На улице пыльно и душно. Началось время августовских ритуалов. Я помогаю дедушке убирать с грядок созревший чеснок; мы сушим его на солнце, а потом связываем головки шпагатом и развешиваем на перекладине под крышей нашего зеленого гаража. Чб прячется от жары в виноградных кустах и гоняет птиц, прилетающих попить из дедушкиных леек. Некоторые листья уже начинают желтеть,

и это значит, что скоро начнется осень.

Вчера у бабушки с дедушкой была большая стирка. Это такие летние дни, которые бывают обычно раз в неделю летом. Выносятся стиральная машинка, похожая на Мойдодыра, дедушка подключает воду, а бабушка сидит на стульчике прямо рядом с машинкой, чтобы вовремя нажать на кнопки и заложить белье, а потом вытащить его огромными деревянными щипцами, больше похожими на клещи. А потом они развешивают белье на веревки, тянущиеся от штриффеля до антоновки, и весь сад пахнет яблонями, летом и свежестью стирального порошка. Раньше Чб прыгал на белье, и поэтому на простынях и покрывалах всюду оставались отпечатки его лап, а после того, как его хорошенько отругали, он перестал так делать.

Но даже несмотря на солнце и отличную погоду, этот день мне не нравится, потому что сегодня мы с дедушкой пойдем к зубному. Он уже несколько раз сказал, чтобы я шла собираться, а я все тяну, потому что боюсь. Все началось с того, что в прошлый раз, когда я была в гостях у Бабари, она сказала, что у меня зуб один шатается. Это правда, просто я никому не говорила, а она вот заметила, и начала говорить бабушке и дедушке, чтобы срочно отвели меня к доктору и зуб вырвали. Правда, сама почему-то не согласилась вести, хотя у нее свободного времени целый вагон. Зуб тоже вырывать не хочу, сам выпадет, остальные же выпали как-то. Этот не хуже.

– Вот штаны, только с веревки, и майка полосатая, кладу на стул, иди одевайся, – кричит бабушка с крыльца.

– Сейчас, еще пять минут посижу тут.

Она отрицательно качает головой

– Уже было десять раз по пять минут, итого-час. Соберайся!

Я понимаю, что сейчас спорить уже бесполезно, и нехотя плетусь из огорода домой одеваться. Потом за мною приходит дедушка, и мы быстро выходим через нашу оранжевую калитку на улицу. Так пыльно, что даже на языке песок.

– Смотри, сейчас ты маленькая, и мы идем по этой улице, потом подрастешь и пойдем в школу по этой же улице, – рассуждает дедушка.

– А ты пойдешь со мною в школу? -я смотрю на него и щурюсь из-за солнца.

Он смеется.

– Это ты сейчас просишь, чтобы я с тобою в школу шел, а потом будешь убегать от меня, чтобы стыдно не было перед ребятами.

– Шутишь? Зачем мне убегать?

– Потому что в школе все хотят чувствовать себя взрослыми, а родители и бабушки с дедушками этому мешают.

– Со мною такого не будет, – машу головой я в разные стороны.

– Как скажешь, -он снова смеется.

Мы идем дальше, мимо проезжают велосипеды и самока-

ты, а на них дети. Конечно, они радуются, им же не идти к зубному, как мне. Я бы тоже радовалась. Вдруг я замечаю, что прямо у моих ног прыгает голубь.

– Дедушка, смотри! – говорю я и наклоняюсь к нему, чтобы погладить. Он косит на меня черным глазом и подпрыгивает, а потом взлетает совсем невысоко и приземляется в пяти шагах от нас.

– Думаю, он пострадал в бою, – заключает дедушка, сев на корточки рядом со мною.

– А кто же его так?

– Кто-кто, кошка, наверное, какая-нибудь, мало их тут бегает. Видишь крыло одно совсем без перьев почти, потому он и летать не может.

– Давай возьмем его с собою.

– А зубной? Мы же не пойдем к нему с голубем.

– Мы скажем бабушке, что были у него, и она поверит. Ты скажешь.

– Может и поверит, до тех пор пока ты рот не откроешь, а там зуб на своем месте как был.

– А мы скажем, что я так орала, что доктор не стал мне зуб дергать, а сказал ждать, пока сам выпадет.

– Тогда бабушка подумает, что ты трусиха, не расстроишься?

– Не расстроюсь, зато голубя спасем.

– Про него ты тоже не хочешь говорить?

Я опускаю глаза и вожу носком ботинка по асфальту.

– Ладно, придумаем что-нибудь. Только поймать его надо.

Я побежала к голубю и вытянула руки чтобы схватить его, но он снова резко отпрыгнул от нас, отлетел немного дальше и начал приглаживать клювом израненное крыло.

– Кто же так ловит! Тебя не то что больные, а здоровые испугаются.

Дедушка аккуратно присел на корточки и, переставляя вперед одну ногу за другой, приблизился к голубю и протянул руку вниз так, чтобы ладонь касалась асфальта. Голубь повернул голову в его сторону и медленно сделал первый шаг. Дедушка придвинулся еще ближе, и наконец схватил его второй рукой, встал, и аккуратно перехватил его так, чтобы оба крыла оказались надежно зажаты в его ладони, но и чтобы голубю не было больно.

– А можно я понесу его домой?

– Не надо, вдруг руку разожмешь, и упадет он, тогда мы уж ему точно не поможем ничем.

Я киваю головой, и мы идем обратно в сторону дома. Дедушке можно верить. Когда он был маленький, он все время жил в деревне, где было много разных животных, и птиц, и, конечно, он не раз спасал их с ребятами. Мне это в нем очень нравится. А еще нравится, что среди лета обязательно будет день, когда дедушка тайком от бабушки принесет мне случайно найденного ежа с огорода. Бабари вообще не такая, на улице она не разрешает мне даже гладить собак, потому что они якобы заразные. Но я то вижу, что они не заразные,

шерсть есть, зубы есть, глаза есть, и язык теплый и слюнявый. Совершенно здоровые псы. Хорошо, что дедушка это понимает и не обращает внимания на заразу; ни на кошачью, ни на собачью, ни на птичью.

– Дедушка, а если папа придет к нам, покажем ему голубя?

– Думаю, ему это не очень будет интересно.

– А что же ему тогда интересно?

– Чтобы ты выросла хорошим человеком.

– А почему у него нет времени, чтобы часто видеться со мной? Вдруг я обижусь на него, и тогда вместо хорошего стану злым и обиженным человеком? Как ему понравится такое?

– Не понравится, но даже зная об этом, он точно не будет жалеть о том, что столько-то лет назад не посмотрел на твоего голубя.

– А ты?

– А что я, я тебе все сказал, с меня кроличья клетка для него, а с тебя кормить его и воду менять.

– Хороший расклад, – подмигиваю я, – а крыло?

– Крыло сам попробую подлатать, полетит быстрее, чем летал.

– Ты скажешь бабушке.

– А попробуй ты.

Я вздыхаю и киваю в ответ. Не знаю, как ей понравится эта идея. Мы уже стоим у калитки, и дедушка вставляет ключ,

пока я придумываю нужные слова.

– Ба, мы пришли! -кричу я, забегая на кухню.

Она отворачивается от плиты ко мне и улыбается.

– Пришли, вот умники, и как зуб?

Я мнусь, потому что не знаю, что сказать, тут входит де-душка и кивает мне.

– Ну, продолжай.

– Мы не вырвали зуб, потому что я испугалась. А еще мы нашли голубя и принесли его домой.

– Мало того, что не вырвали зуб, так еще и коту сомни-тельный завтрак принесли. Меня Римма сожрет, если узна-ет, что зуб не вырвали. Она мне тот раз всю плешь проела.

– Пусть сама и ведет меня к врачу, если ей так нужно, - буркнула я.

– Да, она-то поведет, в какой бы сказке только такое вы-искать.

Первый раз я была рада тому, что Бабари и папа могут забыть про меня, и первый раз мне это сыграло на руку.

– Ну, разрешишь? – я умоляюще посмотрела на бабушку и взяла ее за руку.

– Разрешу, только возиться с ним не буду, а если не бу-дешь кормить его, то скормлю его самого Чб.

– Это же жестоко!

– Зато у тебя будет стимул заботиться, а это важно.

– Спаси-ибо! -завопила я и обняла ее, а потом побежа-ла в огород, где дедушка уже укладывал найденыша в одну

из оставленных клеток.

Устроился он там очень уютно, дедушка подложил ему под бока сена, оставшегося от кроликов, покрошил немного булки, и налил воды в крышку от бутылки. Первый раз, когда я приоткрыла клетку, и просунула туда руку, голубь взмахнул крыльями и отпрыгнул в угол клетки, но на третий раз, он уже подходил ко мне, ел с руки крошки от хлеба, и даже давал погладить его по клювику.

Он был у нас около двух недель, и за это время я успела целых три раза забыть его покормить, а Чб успел напугать его раз пять. Но тем не менее, настал день, когда перышки окончательно отросли, и голубь грустно ходил по клетке, просовывая голову между прутьев и наблюдая за другими птицами, которые летали над ним.

Тогда дедушка разбудил меня рано утром и подвел к клетке.

– Нужно выпустить его на волю, видишь как ему тут тоскливо уже.

Я грустно посмотрела на него.

– Может все-таки оставим его? Он меня уже совсем не боится.

– Оставляй, если тебе не жалко его.

– Мне жалко....-промычала я.

– Тогда выпусти его сама. Он оценит это.

– А бабушку не будем звать?

– Пусть поспит, она не то чтобы ценитель голубей.

Я посмотрела на дедушку и закусила губу, потом приоткрыла клетку и засунула туда руку.

Голубь встрепнулся и по привычке коснулся клювом моих пальцев. Он уже не выглядел беззащитным и израненным, скорее скучающим и печальным. Я открыла дверь клетки и выжидающе посмотрела на него. Аккуратно переступая с лапы на лапу он попятился к выходу, поворачивая голову из стороны в сторону, словно привыкая заново к свободе. А потом расправил сначала одно крыло, затем другое, взмахнул ими и вылетел из клетки.

Дедушка положил свою руку мне на плечо, и мы с ним смотрели на небо, в котором кружил голубь над желтой крышей нашего дома. А еще я смотрела, как из окна смотрит вверх заспанная бабушка, показывая Чб, как далеко улетел голубь, а он только обиженно облизывается и отворачивается.

Кстати, тот самый зуб, из-за которого все приключилось, выпал в тот же вечер от неудачного укуса яблока, вот и поделом ему.

Могла ли зубная фея прикинута голубем, или это я все выдумываю?

Второй раз в первый класс.

– Ксюш! Возьми телефон на кухне! Отец звонит, - кричит бабушка, и я бегу со всех ног, потому что ответить папе это

невероятно важно. Снимаю трубку.

– Котопес, привет, как дела у тебя?

– Все хорошо, а как ты?

– Работаю, как еще, времени совсем нет, мы с бабушкой заедем к тебе сегодня вечером. Я ее от Виктор Федоровича заберу и к тебе, хорошо?

– Хорошо, а что она у него делает?

– Болеет он, пришла помочь, еду принесла.

Бабари молодец, думаю я, заботится о своем муже, даже когда они не живут вместе.

– Сильно болеет? – спрашиваю я.

– Да вроде нет, я сам хотел съездить проведать, но времени ни минуты. Через два месяца уезжаю в командировку, привезти тебе что-нибудь?

– Ну, привези, -тяну я, – только что-нибудь не розовое и не блестящее.

– Добре, постараюсь найти экипировку для сварщика.

Я смеюсь, а он уже начинает торопиться.

– Все, до вечера, у меня сейчас переговоры важные, с итальянцами по новой партии мебели. Целый месяц их ждал.

– Хорошо... – я вздыхаю и кладу трубку.

Взрослые странные. Я вот папу жду уже третий месяц, а он не переживает так сильно, как из-за итальянцев. Хотя должен переживать даже сильнее.

Я не стала долго раздумывать над этим, потому что решила, что просто чего-то не понимаю, может пойму попозже.

– Ксюш, что отец звонил? – кричит с кухни бабушка.

– Ничего такого, сказал, заедет вечером с Бабари.

– Вот уж чего-чего, а Риммы мне только не хватало.-вздыхает бабушка.

Она не любит, когда приходит Бабари, потому что та, по ее мнению, только раздает советы. Стоит ей только войти к нам в дом, она тут же замечает, что тут это не так, тут другое, и моей бабушке это ужасно не нравится. Когда я говорю, что Бабари просто хочет, как лучше, моя бабушка говорит, что когда люди, действительно, хотят помочь, тогда они делают, а словами может бросаться каждый, и хуже всего, когда это делает родной человек. Я начинаю спорить, и говорю, что Бабари часто приходит погулять со мною и покупает вкусности, но моя бабушка говорит, что когда у моей мамы в животе были близнецы, Бабари узнала об этом, пришла и долго кричала, что сейчас Саше дети не нужны, и пусть моя мама принимает меры, я не знаю какие, но видимо не очень хорошие. А когда близнецы все-таки родились, Бабари сказала, что может гулять с ними раз в неделю. Бабушка говорит, что это не помощь, а показуха. Я не знаю, права она или нет, потому что меня тогда еще не было. А сейчас нет и близнецов.

Но в этот раз я не стала спорить с бабушкой, потому что мне очень хотелось увидеть папу, и поэтому я считала часы до вечера. Ждать моего папу это самое неблагоприятное занятие. Вроде так говорят о делах, которые никому не нужны, и не приносят пользы. Обычно, он заканчивает работать ве-

чером, и поэтому как только стрелка касается пяти часов, я начинаю ждать. Сейчас я уже понимаю время, и знаю, что раньше семи его ждать не стоит, но привычка начинать ждать раньше осталась. Хоть это и дурная привычка.

Вот я стою у окна, встав на колени на тумбу от телевизора, отодвигаю шторы, и смотрю в пыльное окно. Иногда Чб приходит ждать вместе со мною, иногда сбегает куда-то. Проезжают трамваи, машины, одни люди с остановки заходят в трамвай, другие выходят из него. Так проходит час, и наконец я вижу, как к нашему забору подъезжает машина папы.

– Дедушка! Открывай! Папа приехал! – начинаю вопить я, спрыгивая с тумбочки, и бегу к двери.

Дедушка неспешно моет руки после огорода, и берет ключи.

– Ну, дедушка, давай скорее, он же ждет там, - тороплю я. Он как-то странно смотрит на меня и говорит:

– Ты же ждешь, пусть и он подождет.

– Дедушка!

– Иду... иду.

Наконец я слышу скрип калитки и тяжелые шаги по порогам. Выбегаю и тут же прыгаю на папу.

– Я так рада, что ты приехал!

– И я рад, только аккуратнее, аккуратнее, видишь, брюки белые.

– Ладно, – я киваю головой и начинаю обнимать его

еще сильнее, а потом оборачиваюсь и вопросительно смотрю на него, -а где Бабари?

– Сейчас зайдет.

Я хватаю его пальцы и крепко сжимаю в своей маленькой руке. Мы вместе входим в дом.

– Здравствуйте, Элла Ивановна, как поживаете тут?

– Да потихоньку, твои дела как? Дочка-то скучает по тебе.

– Знаю, но работы столько наваливается, даже не представляете. Все ради нее стараюсь.

Вдруг он щелкает пальцами в воздухе и громко говорит.

– Забыл! Я же ей подарок привез. Сейчас принесу. Заодно посмотрю, где там мать застряла.

Папа быстро выбежал на улицу, а я лукаво посмотрела на бабушку типа: «А ты знаешь, что за подарок?», а она пожала плечами.

Снова заскрипела дверь веранды, и на кухню вошел папа, только на этот раз уже с Бабари, которая держала в руках большой пакет, красный в белый горошек.

– Бабари! -воскликнула я, и обняла ее.

– Здравствуй, здравствуй, моя милая. Как у тебя дела тут? Худая-то какая! Бабушка тебя здесь совсем что ли не кормит? Ленка такая же худющая была, как из Освенцима, да простит Бог. Ты-то кушай.

– Лена была чемпионкой по художественной гимнастике.-строго сказала моя бабушка, и посмотрела Бабари в глаза, после чего та резко замолчала и отвела взгляд.

– Хватит вам! Пап, что за подарок?

– Подарок вон какой!

Папа взял у Бабари большой пакет, загадочно посмотрел на меня, и засунул туда руку.

– Доставай же! -запищала я.

Он еще с минуту выжидающе смотрел на меня, а потом достал большой и красивый рюкзак, такой же как пакет по цвету, только во весь рюкзак был нарисован огромный Микки Маус с сердечком.

Я выпучила глаза, настолько сильно, насколько это только получалось.

– Микки Маус! Как я люблю! Как ты узнал?

– Хороший папа все знает, – сказал папа, и я услышала, как где-то вдалеке усмехнулся дедушка.

Рюкзак был и вправду просто потрясающим, спереди одно большое отделение, потайные маленькие карманы под ушами Микки Мауса, и внутри еще два дополнительных больших отсека, наверное, под книги и тетради.

– В командировке купил, смотри, береги его, такого больше ни у кого не будет.

– Конечно, буду беречь! Спасибо!

Я обняла папу и поцеловала его, а он подхватил меня на руки и крепко прижал к себе. Конечно, он делает это не так забавно, как дедушка, с которым я прямо парю под потолком, но главное, что от него пахнет папой, вкусными духами и немного сигаретами. Он так и не может бросить

курить, хоть Бабари и ругается на него. А Бабари он боится больше всех, хоть уже взрослый.

– Ну все, ближе к выходным позвоню, решим, как с 1 сентября лучше сделать.

– А ты придешь?

– Конечно, как я могу такое пропустить.

Я перевожу взгляд на бабушку, а она подмигивает мне.

– Хорошо, я позвоню тебе!

Папа наклоняется, чтобы поцеловать меня, а потом машет рукой и скрывается в дверном проеме. Вслед за ним ко мне подходит Бабари, и тоже целует в щеку. Я жду, пока она отвернется, и вытираю щеку. Папины поцелуи мне нравятся, а ее нет. От них пахнет иначе.

Дедушка идет закрывать за папой калитку и передразнивает по пути его походку, бабушка это замечает и, цыкая, грозит ему пальцем.

Я сажусь на стол и снова беру в руки рюкзак. Пахнет папой так, будто он рядом.

На самом деле, я уже пробовала ходить в школу. Точнее, дедушка меня отвел туда раньше на целый год, чем положено.

Помню, как мы вошли в коридор, где было много детей. Они бегали по этажам, громко кричали и смеялись. Мы тогда зашли в кабинет, где сидела тетя с ярко-красными неестественными волосами, потом, дедушка мне сказал, что это директор, и перед ней себя нужно хорошо вести. Она спроси-

ла у меня имя, и сколько мне лет, деловито покачала головой, и попросила рассказать любое стихотворение, которое я знаю. Тогда я вспомнила «Парус» Лермонтова, это стихотворение мне всегда читала Бабари перед сном, если я оставалась у нее на ночь. Я выпрямила спину и громко начала рассказывать:

Белеет парус одинокий,
В тумане моря голубом,
Что ищет он в краю далеком,
Что кинул он в краю родном?

Директор сначала очень внимательно слушала меня, но потом в кабинет кто-то постучал, а затем дверь приоткрылась, и втиснулась очень худая тетка в черном платье с большим слоем красной помады на тонких-претонких губах. Она начала что-то спрашивать у директора, и я заметила, что та меня больше не слушает, она смотрела на эту тетку, похожую на скелета, и разговаривала только с ней. Конечно, мне стало обидно, ведь я ужасно старалась, поэтому в ту минуту я сделала то, что казалось мне единственно правильным. Я громко откашлялась и посмотрев на эту скелетину и сказала:

– Вы что, не видите, что мы разговариваем? Так же невежливо!

Директор аж подавилась в тот момент. Она тут же посмотрела на меня и водя пальцем в воздухе, будто желая погро-

зить мне, прерывисто произнесла.

– Ты почему так разговариваешь? Заметь, она тебя старше, а старших нужно уважать. Разве не так?

– Она же меня не уважает, хоть я и младше, -буркнула я и быстро перевела взгляд на дедушку. Готова поспорить, он был готов в тот момент провалиться под землю. А потом директор что-то сказала ему, и мы вышли из кабинета. Всю дорогу до дома дедушка молчал, а потом когда мы пришли домой, устроил мне ужасную взбучку.

Он кричал на меня, что таким людям приходится в жизни очень тяжело, а потом кричал на бабушку, еще дольше чем на меня. Говорил, что я вырасту такая же как моя мать, а потом ушел в комнату и хлопнул дверью так, что та чуть не оторвалась с петель. Бабушка села на стул и заплакала, а когда я посмотрела на нее, сказала, чтобы я шла спать. А я не могла уснуть. Дедушка сидел в своей комнате, и оттуда доносились звуки его любимого романса «Ничя ка мисячна». Он слушал его всегда, когда ему было больно. Я это знала, но не знала, что делать мне, потому что было очень обидно, что меня никто не поддержал. Разве я поступила неправильно? Разве они не должны наоборот гордиться мною, что я такая бесстрашная? Моя мама тоже была бесстрашная, разве поэтому плохо быть такой как она?

Через четыре дня мы снова пойдем в школу, и я боюсь, что все получится, как в тот раз, поэтому беру свой новый рюкзак и кладу его рядом с собою на подушку. Буду лежать

с ним, пока папа не выветрится.

Сережа-невлюбляка

Наконец этот день наступил. Первое сентября. Пока еще не могу понять, страшно мне или нет. Бабушка сказала, что папа придет с утра за нами, и мы все вместе поедем в школу. Линейка в восемь тридцать, а сейчас время- ровно восемь, поэтому я уже целых тридцать минут сижу на кухне и жду папу. Бабушка не разрешает идти во двор, говорит, что испачкаюсь там, придется переодеваться, и тогда мы точно опоздаем.

– Вот вечно твой отец опаздывает, сейчас бы давно уже ушли без него, – недовольно ворчит дедушка.

– А я не пойду без него, он обещал-кричу я.

– Вот опоздаешь в первый день, то-то неприятно будет, когда будешь ходить и место себе среди ребят выискивать, которые уже давным давно построились.

– Неприятно, когда все с мамами и папами придут, а я без папы, – отвечаю я и смотрю в потолок.

Дедушка замолкает, и за него вступается бабушка.

– Дед дело говорит, зачем его ты его расстраиваешь? Он переживает ведь за тебя, не видишь разве?

– Вижу, – под нос говорю я и прислушиваюсь к каждому звуку, чтобы не упустить момент появления машины.

– Иди на порожах постой, как раз увидишь, как подье-

дет, – снисходительно предлагает бабушка, видя, как я волнуюсь.

– А можно?

– Можно, только в грязь не лезь смотри, вчера после дождя все грядки размыло, тебя потом от грязи до следующего сентября не отмоешь, – грозит бабушка.

– А что, тогда уже будет третий раз в первый класс, сама говоришь, что Бог троицу любит.

– Быстро на улицу, – шикнула бабушка.

Я передразнила ее, пока она не видит, и вышла на порог. В виноградных листьях сидел Чб и высматривал пролетающих над гаражом воробьев. Дул ветер, и от него пахло пылью и осенью. Все яблони уже давно отцвели, и только старая антоновка, что росла за душем подставляла солнцу свои зеленые бока. В груди бревен, что лежат у сарая, уже сновали галки и вороны, выискивая упавшие яблоки, и громко каркали, обнаружив что-то съестное. Я решила немного нарушить запрет бабушки, и пойти в виноградник, чтобы погладить Чб перед школой, но даже не успела спустить ногу с последней ступеньки, как тут же услышала.

– И не вздумай! Проглядела? Отец приехал.

Ба перевела взгляд на калитку. И правда, папа приехал. Я махнула ему рукой, а он крикнул.

– Садитесь все, сейчас опоздаем.

– Ты посмотри, боится опоздать, – проворчала бабушка под нос, – Вов, иди быстрее, поехали.

Папа посигналил нам, и мы наконец покинули двор. Всю дорогу бабушка трогала мои банты, проверяя, ничего ли не растрепалось, и мне казалось, что она сейчас растрепет их намного быстрее, нежели я.

– Ну что, ты уже почти ученица? – подмигнул папа, и придерживая левой рукой руль, просунул правую на задние сидения.

– Элла Ивановна, помогите чуть.

Что-то зашуршало, и через секунду папа протиснул к моему сидению большой букет розовых пионов. От него пахло настолько замечательно, что я даже не могу описать этого.

– Спасибо, па, – улыбнулась я и, сжав букет крепче, уткнулась в окно. По улице шли толпы детей с гладиолусами, хризантемами и розами. Нескончаемый цветочный поток, который, судя по времени, опаздывал так же как и я.

– А почему Бабари не поехала? – спросила я у папы.

– Она не очень хорошо себя чувствует сегодня, но она от всей души просила тебе свои поздравления.

– Ну ладно, -я вздохнула.

Мы уже подъезжали к повороту школу, и я услышала, как дедушка ерзает на сидении.

– Вов, ты что, боишься в школу идти? -засмеялась бабушка.

– Ничего я не боюсь, скажешь то же глупости какие. Паркуйся здесь, Саш, оттуда потом не развернешься.

Папа поставил машину, и мы начали выходить. Сначала

вышел дедушка, и помог выйти бабушке, а потом вышел папа, и помог выйти мне. Улица была еще шумнее, чем она казалась из окна машины. Мы двинулись к школе, вместе со всем этим суетящимся потоком, в одной руке я держала букет, а в другой папину руку, а потом он ее убрал, потому что ему стал кто-то звонить. Я спросила у него кто это, а он куда-то отвернулся и сказал куда-то в сторону «да это так, с работы». А может и еще что-то сказал, но я ничего не услышала, потому что было очень шумно, особенно по мере того, как мы подходили к школе. В воротах творилась суета, дети с родителями втискивались по очереди в калитку, и осматривали в панике школьный двор, желая отыскать табличку с буквой своего класса. Посередине школьного двора прямо перед клумбой стояло четыре микрофона, две женщины и два мужчины. Когда стихла музыка, они стали громко объявлять присутствующие классы, и показывать рукой направление, где строится та или иная шеренга. Наконец объявили.

– 1А!

– Это же твой! Ну ка быстро ищи их глазами, ну ка, – начала причитать бабушка и выглядывать во все стороны.

– Да успокойтесь вы, Элла Ивановна, вон же они все стоят, – сказал папа, встав на цыпочки, а потом взял меня за руку, и пригнувшись, провел к шеренге ребят.

Они все тут же на меня посмотрели, точнее на моего папу. Он у меня молодой и красивый, в ту минуту я им ужасно гордилась. Поставив меня рядом со светловолосой девочкой,

он махнул мне рукой и посмотрел вперед, чтобы отыскать бабушку с дедушкой.

– Стой, ты куда? -шепнула я ему и схватила за рукав.

– Никуда я не уйду, туда встану подальше, не с ребятами же мне стоять.

Он еще раз помахал мне, и стал пробираться сквозь толпу.

Я быстро оглядела всех ребят, что стояли рядом со мною. Они также как и я вглядывались в толпу, чтобы отыскать взгляд мамы или папы, чтобы не было страшно. Мальчик, который стоял от меня справа, постоянно чихал и вытирал нос рукавом белой рубашки. «Хорошо, что его мама этого не видит» – подумала я и вздохнула. Музыка затихла, и женщина, которая стояла посередине, взяла в руки микрофон. Я встала на носочки, чтобы разглядеть ее, но это никак не получалось, хотя мне она почему-то понравилась. Или ее голос, мягкий и приятный, не как у крикливой тетки из детского сада, о котором даже вспоминать не хочется.

Вдруг я услышала странный шорох прямо рядом со мною. Звук был очень знакомым и понятным. Это конфетные фантики. Я вытянула голову как жираф, и стала высматривать, что происходит. А происходило вот что! Мальчик в темно-зеленом клетчатом костюме, стоящий через пару ребят от меня, в разгар директорской болтовни, вытягивал из карманов своих брюк маленькие конфетки, и тихонько угощал всех девочек из нашего класса. И все бы ничего, но в конце у него осталась только одна конфета, и вертя ее в руках, он

оглядел всех, кто стоял рядом с ним, и стал разворачивать конфету. «Сейчас он даст ее мне!» подумала я, и уже хотела было протянуть руку, но тут он взял и положил себе эту самую конфету себе в рот! Мне было ужасно обидно, я сделала шаг назад, и проследив, что никто из учителей на меня не смотрит, аккуратно сделала два шага в его сторону, прячась за спины детей, а потом тихо толкнула в плечо этого самого доброго мальчика.

– Эй! Ты почему мне конфету не дал! Я вообще-то тоже из твоего класса!

Девочка, стоящая впереди меня, обернулась ко мне и поднесла палец к губам, а тот самый мальчик сделал шаг назад и испуганно посмотрел на меня, а потом шикнул.

– Ты что орешь?!

– Будто повода нет! -передразнила его я, -всем девчонкам конфету дал, а мне нет! А теперь они у тебя и вовсе закончились! Отличная история, получается!

– Да не ори ты, сейчас поищу. Он полез в карманы и начал искать, а я все это время стояла и выжидающе глядела на него, изредка посматривая, не смотрит ли кто на нас. Тут он все-таки достал маленькую барбарисовую конфетку с изрядно выцветшим фантиком.

– Держи, нашел, -довольный сказал он и протянул мне конфету.

– Ну, спасибо, а тебя как зовут-то? – спросила я, разворачивая обертку.

– Сережа, а тебя?

– Меня- Аксюта, я сюда с папой пришла! -гордо сказала я, и посмотрела на него.

Он шмыгнул носом.

– Понятно, а я не знаю, где мой папа, мама про него никогда не говорит. Мы живем с мамой и бабушкой. Они тоже очень хорошие.

– И ты не хочешь узнать, кто твой папа? – удивленно спросила я.

– Может хочу, а может и нет, не знаю. А твой папа хороший?

– Хороший, но, -я замолчала на минуту и опустила глаза вниз, – он тоже со мною не живет. Я с бабушкой и дедушкой, у нас огород большой, и кот.

Он улыбнулся.

– Я люблю котов, только у мамы аллергия на них, потому она не разрешает заводить.

– Уу, жалко.

– Наверное.

Тут все начали аплодировать, и заиграла музыка. Я испуганно протиснулась обратно на свое место, и под музыку вышел высокий мальчик, старшеклассник, а на его плече сидела маленькая девочка, которая держала в руках колокольчик, и звенела им так, что его было отчетливо слышно даже на фоне музыки. Они сделали круг вокруг клумбы, и потом все стали им хлопать. К каждому первому классу подошли

учителя, и мы все вместе пошли наверх. Наша учительница показалась мне очень доброй, она все время улыбалась, поправляла девочкам банты, прямо как моя бабушка, а мальчикам одергивала галстуки и бабочки. Наверное, она хотела, чтобы в этот день мы были очень красивыми. А потом она сказала тихо и спокойно:

– Ребята, идем за мной, наш кабинет на втором этаже. Постарайтесь не шуметь, и не сбивать друг друга с ног, потому что мы с вами не одни.

Так, нестройным рядом, мы пошли наверх, а в кабинете сразу сели парами. Я села с Сережей. Учительница обвела класс глазами, а потом сказала, что пока мы можем сидеть так, а потом она рассадит по-своему, если вдруг решит, что чье-то соседство мешает уроку. Надеюсь, это будет не наше. Потом она еще раз сказала, какие учебники приносить в понедельник, и сколько будет уроков, а еще написала на доске, что номер нашего кабинета 14, и мы будем учиться в нем целых четыре года. Потом она сказала, что ее зовут Эмма Борисовна, и что если мы будем хорошо себя вести, то обязательно подружиться с ней, а потом каждый из ребят по очереди сказал ей свое имя. У нас были и Никиты, и Маши, и Насти, и Саши.

Когда знакомство подошло к концу, мы подарили Эмме Борисовне наши огромные букеты, и я сразу подумала, как же она пойдет с ними домой? Было бы хорошей идеей оставлять все цветы в коридоре, стройными рядами, в боль-

ших вазах. Тогда у школы бы на один день появлялся собственный цветочный коридор, разве это не здорово?

Наконец, дарение цветов закончилось, и мы стали спускаться вниз по лестнице. Я видела из окна, что папа стоит рядом с бабушкой и дедушкой у клумбы. Бабушка и дедушка смотрят в окно, и наверное, высматривают меня, а папа то оборачивается и бросает быстрый взгляд на ворота, то на часы. То, что он такой занятой, можно простить или нет? А оправдать?

После школы бабушку с дедушкой мы отвезли домой, а с папой поехали в кафе. Правда, всего лишь на час, но мне и этого хватило. Мы ели пиццу, и папа рассказывал школьные истории, говорил, что он хорошо учился, и что я должна равняться на него. А я рассказала ему о том, как год назад в диване нашла его дневник за восьмой класс, и там не было ни единой страницы без красной учительской ручки. То он разбил стекло, то подложил кнопку учителю, то во время доклада про собак начал лаять на уроке естествознания. Словом, Бабари вызывали в школу так часто, что им следовало бы жить хотя через дом от нее. После моей истории, папа посмеялся, и больше не говорил про примерное поведение.

Когда я оказалась дома, то сразу собрала на понедельник портфель. В одном отделении был пенал с ручками и карандашами, в другом - тетрадки и учебники, а в третьем пока было просто свободное место. Хотела положить туда тетрис, но бабушка категорически запретила его брать, потому

в школе надо учиться, а не в игры играть. Может она и права.

Когда мы уже спали, я что-то слышала. Только не знаю, нужно ли мне было это слышать.

Сначала ночью кто-то позвонил в звонок. Я высунула голову из одеяла так, чтобы меня было не видно, а мне было видно все, и посмотрела в коридор. Дедушка наскоро надел плащ, выбежал на улицу, его не было около десяти минут, потом он вернулся, и минуты две спустя снова вышел, и сразу же пришел обратно. А потом позвал бабушку, и они пошли на кухню. Вот тогда я и услышала голоса.

– Вов, кто там был?

– Виктор Федорович приходил, совсем плох стал. Говорил, что в его доме воды невкусная, и попросил нашей.

– Из-за воды шел пешком с другого конца города?

– Видать так, Римме, говорит, не стал звонить, боится, что ругаться начнет.

– Да такая как Римма только ругаться и умеет! Довела человека до сумасшествия, а сама улыбается ходит, Аксюта верит, уши расставляет. Знаю я этих людей.

– Элл, не начинай. Сам устал... Такой человек был, лучший ветеринар в городе. А сейчас ходит... вода невкусная у меня говорит, черт бы побрал.

Потом бабушка заохала и они закрыли дверь. Дальше я совсем ничего не слышала, и потому не знаю, что сказать. Виктор Федорович хоть и был моим вторым дедушкой, но я видела его только два раза в жизни, а Бабари видела больше.

Раз пятьдесят, наверное. И все это время она была хорошей.

Либо бабушка с дедушкой что-то не говорят мне, либо Бабари просто обиделась на второго дедушку за что-то. Вдруг он ей сделал больно, и поэтому она так? Они же любили друг друга когда-то, иначе бы не появился мой папа.

Или нет?

День, утонувший в чернильной краске.

Стоял октябрь, и с деревьев уже падали листья, прямо как четыре года назад, на 1 сентября. За это время не происходило вообще ничего интересного, и поэтому даже рассказать было нечего. Я привыкла к школе, и даже научилась себя хорошо вести там. Если не считать, конечно, случая, когда я вылила Штрыну клей на волосы, и они у нее все слиплись. Но тут она сама напросилась, нечего было смеяться при всех над моей поделкой с урока труда. Я и сама знала, что поделка, мягко говоря, получилась совсем некрасивой. Шишки покосились, и были похожи не на человечков, а на уродливые коричневые тучи, а листочки, которые должны были изображать траву, получились и вовсе как какие-то кривые зеленые кляксы. Словом, я и сама знала о том, что это явно был не шедевр, но к чему смеяться над ним?

Вот и мне было непонятно, поэтому она и получила. На самой деле, все остальные ребята были хорошие, а с некоторыми из них мы даже живем рядом, и потому каждый день

ходим из школы вместе домой. Например, с Юлькой, Катангенсом, которую на самом деле зовут Катя, просто мы подумали, что называть ее так будет намного лучше, Савкой-якутом, Кириллом-клюшкой, которого все так называли потому, что он был очень высокий, прямо очень-очень, а еще молчал постоянно, куда бы мы ни шли.

В такие осенние дни мы с ними бегали после школы на заросший парковый пруд. Садились на деревянные спилы, которых там было разбросано целое множество, и играли в казаков-разбойников. Если честно, у меня не очень хорошо получалось прятаться, потому что каждый раз, когда я пряталась, я тут же начинала бояться, вдруг меня не смогут найти, и разойдутся по домам, а я буду стоять еще целый час, выжидая моменты своего раскрытия. Это будет очень обидно. Поэтому, спрятавшись, я начинаю проверять, ищут ли меня, и поэтому меня замечают и быстро находят, но это лучше, чем вообще не найтись. Хоть и не так интересно. Поэтому больше всего я люблю, когда мы садимся у берега и, выдергивая из середины тетрадки по листу, делаем кораблики, а потом запускаем их в пруд к сонным наевшимся уткам. А сейчас, осенью, можно даже листья не дергать. Мы берем опавшие кленовые и дубовые листья, вставляем сквозь них зубочистку, а сверху нее еще один листочек, только маленький, например березовый. Такие корабли получаются намного интереснее. Да и у меня они выходят лучше чем та злополучная школьная поделка.

Поэтому сегодня, собираясь в школу, я, прихватила с собою побольше зубочисток, чтобы поделиться с ребятами, если вдруг у них не хватит. Планировался огромный корабельный заплыв.

– Куда все зубочистки делишь? У тебя что, зубов как у крокодила? – кричит из кухни бабушка.

Похоже, она заметила нехватку зубочисток. Хоть и спустя неделю.

– Может это дедушка взял, почему я?

– Потому что у дедушки вставная челюсть вон в чашке плавает, и в зубочистках явно не нуждается.

– Тогда я брала.

– Зачем тебе?

– Мы кораблики делаем после школы. Они вроде мачты, понимаешь?

– Хорошо, пусть будет так.-кивает бабушка, – слава Богу уроков мало задают, жалеют все вас, а то бы не до гулянок тебе было.

Целую ее в щеку и выхожу во двор. Дедушка сидит между грядок на моих старых санках и пропальывает лук. Это он специально так придумал, чтобы не приходилось нагибаться, и спина не болела.

Машу ему рукой и иду за калитку, там у ларька на перекрестке уже ждет Юлька, чтобы мы вместе пошли в школу. Чб послушно идет со мною до забора, прыгает на почтовый ящик, потом на выступающую деревяшку в заборе, и затем

ловко оказывается на заборе. Это наш ритуал прощания. Он доводит меня до края соседского забора, где уже начинается перекресток, подставляет свою усатую морду, чтобы я его погладила, а потом, когда я уже перехожу дорогу, разворачивается и идет обратно домой. Не было ни одного дня, чтобы он не проводил меня. Я уже перешла дорогу, и теперь смотрю, как петляет хвост Чб, крадущегося обратно между вишневых облетевших деревьев. Оборачиваюсь, и вижу, как машет рукой рыжая Юлька. У нее какое-то рассерженное лицо.

– Ты что так долго?

– Да, зубочистки не могла найти.

– Сегодня снова корабли?

– А что тебе не нравится?

– Мне все нравится, слушай, хорошо, наверное, что мы одни в школу ходим. Настю вон бабушка водит, только что мимо меня проходили. Она смотрит на нас и завидует, что мы потом гулять можем, а ее забирают и домой сразу ведут.

– Это да, – сказала я, а про себя подумала, вот было бы здорово, если бы меня папа в школу возил на машине и забирал. У него машина импортная, таких мало сейчас, тогда мне бы точно все ребята завидовали, да и уважать бы меня больше стали. Только такого не будет никогда.

– Какой у нас урок первый?

– А ты что? Не помнишь? Математика.

– Понятно, самый ужасный. Но у меня с собою еще кое-что есть.-подмигнула я.

Юлька выгнула шею и стала смотреть на мои руки, спря-
танные в карманы.

– Да не здесь, в рюкзаке. Уговорила отца купить, давно,
когда в Москве были.

– Показывай уже.

Я остановилась и сняв рюкзак, расстегнула маленькое от-
деление и, достав маленькую черную баночку, протянула ее
Юльке.

– Ну и что в этом такого? Гуашь какая-то, – скептически
заявила та, покрутив банку в руке.

– А ты открой.

– Там подвох?

– Сама узнаешь, открывай и все.

Юлька посмотрела на меня, а потом снова перевела взгляд
на банку и подковырнула ногтем крышку.

– Что-то блестящее и черное, выглядит красиво, но все
равно на краску похоже, – заключила она и покрутила банку
под солнцем, чтобы лучше было видно блики.

– Потрогай теперь.

– Зачем?

– Потрогай и все! Не испачкаешься.

Юлька аккуратно дотронулась пальцем до содержимого
банки, и тут же отдернула его.

– Где ты это взяла? Липкое, холодное и противное!

– Ой, ой, ой, ты сюда посмотри, – я выхватила у нее банку,
и перевернув ее, вывалила эту массу себе на руку. Черное

пятно как желе болталось у меня в ладони.

– Мерзко. Как это вообще называется?

– Лизун, я специально с собою взяла, чтобы ребятам показать.

– Вот Эмма Борисовна увидит и выставит тебя.

– Ты ужасно скучная, кто сказал, что она это увидит?

Юлька махнула рукой и ускорила шаг.

– Пришли уже почти, спрячь пока свою штуку. До звонка пять минут осталось, только сесть и успеем.

– Ты ужасно скучная, - снова повторила я и побежала за Юлькой.

Мы быстро миновали коридор и лестничный пролет, и уже через минуту сидели на математике.

– Вот и успели на твой любимый урок, – прошепела я Юльке, повернувшись к ее ряду, но услышать ответ не получилось, потому что она загородилась от меня книжкой, и в класс зашла Эмма Борисовна.

– Ребята, доброе утро, сегодня мы с вами пишем небольшую самостоятельную работу, чтобы я поняла, кто на какие оценки претендует к концу четверти.

Я поставила тетрадный домик, чтобы меня не было видно и шепнула Сереже:

– На перемене тебе штуку покажу классную, тебе точно понравится.

Он вначале сделал вид, будто не услышал, но это только потому, что учительница посмотрела на нас, а потом резко

наклонился ко мне и сказал:

– Сейчас покажи.

– Сейчас нельзя, видишь урок идет. Еще и самостоялку сейчас будем писать дурацкую.

– Значит трусишь.

– Смеешься? Я не трусиха.

– Тогда покажи сейчас.

Я оглядела класс, чтобы удостовериться в том, что опасности нет, и потянулась к рюкзаку. Нина Борисовна как раз в этот момент отвернулась, чтобы написать на доске задания для работы. Быстро расстегнув молнию, я нащупала заветную баночку чернильного цвета.

– Держи быстрее, пока не увидели.

Сережа взял у меня банку и недоуменно повертел ее в руках.

– Краска что ли? И все?

Я шумно вздохнула, разозлившись.

– Что ты, что Юлька, одно и то же. Открой для начала.

Сережа быстро поднял глаза вверх, но Нина Борисовна еще писала задания на доске, и вообще не поворачивалась в нашу сторону. Он осторожно открыл банку, а потом радостно вывалил содержимое себе на руку.

– Ого! Лизун! Я видел такой!

– Тише ты, сейчас отберут.

– Я аккуратно, сама-тише.

Я отвернулась и сделала вид, будто усиленно переписываю

за учителем, чтобы быть точно вне всяких подозрений, тем более сейчас это и вправду было важно, потому что из пяти заданий у меня было написано только одно. Половина класса уже давно начали все решать, и тут Нина Борисовна отошла от доски и стала показывать на задания указкой.

– Все как обычно, три решенных задания на тройку, четыре на четверку.

– Пять на пятерку, – крикнул Кортик.

Вообще, его фамилия была Кордик, но мы все стали называть его так, потому что он был острый на язык и ужасно наглый.

– Уж кому, а вам пятерка точно не светит. Хоть на тройку бы наскрести.– сказала Эмма Борисовна.

– Конечно, не светит, она же не лампочка.– подшутил Кортик, и весь класс засмеялся, а учительница строго покачала головой, а затем добавила, – сейчас я выйду из класса на пару минут, мне нужно взять ваш журнал в учительской, а вы сидите тихо до моего возвращения. Кого услышу уже в коридоре, у того сразу отберу тетрадку и поставлю двойку, все поняли?

Класс кивнул головой, и учительница скрылась за дверью, а Сережа тем временем продолжил еще интенсивнее издеваться над моим лизуном.

– Давай уберем уже! Двойку захотел?

– Да успеем мы все написать, там не задания, а легкотня.

– Когда это интересно ты успел это понять, если у тебя

в тетрадке даже «классная работа» не написано?

– А зачем ты в мою тетрадку подглядываешь?

Я показала ему язык, и снова начала писать, пусть дальше, что хочет делает, мне уже все равно, его ведь накажут, а не меня.

– Серый, что там у тебя? – крикнул Ангел с последней парты. Ангел это только прозвище такое, потому что фамилия – Архангелов. На самом деле поведение у него совсем не ангельское. Хотя и у меня тоже.

– Лизун, Аксюта дала.

– О! Кинь посмотреть.

– Не вздумай! – шикнула я, но было уже поздно, и прямо в десяти сантиметрах от моего уха пролетела большая черная клякса, а затем раздался хлопок, и Ангел спрятал ее у себя в руках.

– Теперь обратно кидай, – сказал Сережа.

– Подожди, сейчас Клюву кину.

Клюв и Клюшка это одно и тот же. Человек один, а прозвища два.

– Хватит, я писать стараюсь, мне нельзя двойку получить, мать убьет.

Ну хоть Клюшка оказался разумным человеком.

– Тогда кинь обратно Сереже, а то не успеешь на пятерку написать, – язвительно сказал ему Ангел.

Я услышала, как Клюв разозлился на такое, резко встал из-за парты и швырнул куда-то лизун. Не успев увидеть, ку-

да он приземлился, я услышала звук похожий на шмякание. Будто мяли тесто, и потом кинули лепешку на стол. На парте Ангела ничего не было. Я резко начала крутить головой, оглядывая класс, но потом поймала взгляд Сережи. Удивленный, испуганный и направленный куда-то вверх. Закусив губу, я посмотрела туда же, куда смотрел он, и увидела, что на потолке, между окнами, красуется огромное черное пятно, капля с которого начинает медленно тянуться вниз.

– Доигралась? – хмыкнула Юлька со второй парты.

Я повернулась к Сереже и стала орать на него.

– Видишь? «Да никто ничего не увидит» -передразнила я его, – сейчас придет и устроит мне! Этого хотел? У нас самостоялка не написана, так и еще и это теперь! Скажешь, что я виновата, чтобы в школу моих родителей вызвали? А вот и нет, я скажу, что ты во всем виноват! Эта твоя дурацкая идея была.

Сережа уставился в парту и даже не смотрел на меня. В классе вдруг стало очень тихо, и среди этой тишины я слышала предательские шаги по коридору.

– Идет уже! Сейчас возьму и сдам тебя, – пнула я локтем Сережу и зло посмотрела на него.

Дверь открылась и в класс вошла Эмма Борисовна. Я максимально съехала вниз по стулу, чтобы меня не было видно, и уткнулась головой прямо в тетрадку.

– Еле нашла ваш журнал! Оказывается, соседний класс перепутал: вместо своего ваш взял. Вот уж поиски!

Она начала обмахиваться рукой, и села на стул, а потом резко посмотрела на часы и воскликнула:

– Это сколько же меня не было? До звонка 15 минут! Написали хоть что-нибудь без меня или с ума сходили?

Класс закивал головой, а потом три девочки встали и положили на стол свои тетрадки.

– Вот, молодцы! Сразу вижу, кто, действительно, старался.– похвалила их учительница.

Ну конечно, они же отличницы, им быстрее всех надо. Первая тетрадка, конечно, Коробка. Неудивительно. Быть отличницей значит быть хорошей подлизой. Сейчас этим они меня разозлили еще больше. После них тетрадку положил Клюв. Тоже мне «разумный человек». За ним пошла Юлька со своей тетрадкой и по пути не упустила момента смерить меня своим разочарованным взглядом. Вот тебе и подружка. Это была ужасная досада.

Ладно, первые три задания у меня более-менее готовы, остались последние два, за пятнадцать минут как-нибудь успею.

– Душно тут сегодня, может окно откроем? – сказала Эмма Борисовна.

– Вроде нормально, не жарко, – сказала Юлька.

Это она молодец, хоть в чем-то выручила. Только это не помогло.

– Ничего, ненадолго можно открыть. Головы проветрятся у тех, кто еще не сдал, глядишь, и мысли новые появятся.

Я как шпион повернула голову в сторону пятна. Оно выглядело просто ужасно. Если раньше капля только начинала образовываться, то сейчас она уже была увесистой каплей и тянулась почти до самого подоконника. Если вначале, Эмма Борисовна ничего не заметила, то сейчас, у окна, не заметить будет просто невозможно.

Она уверенно пошла к окну, а я затаила дыхание.

– Извини, – шепнул Сережа, наклонившись ко мне. Но я сделала вид будто не слышу, и в этот момент уже все случилось. Взгляд учительницы повис на этой капле, вместе с ней спустился вниз и поднялся к потолку, там где и было место преступления. Я хотела съехать со стула вниз еще больше, но уже было некуда, потому что мои ноги упирались во вперёдистоящую парту, разве что совсем залезть под стол.

– Что это за клякса? – очень строго произнесла Эмма Борисовна. Я впервые слышала, как она говорит таким тоном, и он очень не шел ей. Когда ее лицо было сердитым, оно становилось некрасивым и пугающим. Но сейчас это происходило по моей вине, стало быть, нужно терпеть.

– Мне повторить вопрос? Что это за клякса? Кто принес это в школу?

Класс молчал.

– Хорошо, тогда я просто поставлю всем двойки. Пусть это будет несправедливо, но станет хорошим уроком для того, кто не струсил это устроить, а струсил признаться.

– Даже нам двойки? – завопили отличницы с первых парт.

– И вам тоже, – отрезала учительница.

– Это мое, – раздался сдавленный голос прямо рядом со мною. Я повернулась в сторону Сережи, и увидела, как он покрасневшийся стыдливо тянет руку.

Все повернулись в его сторону, а Эмма Борисовна подошла прямо к нашей парте и грозно на него посмотрела.

– Это сделал ты?

– Да, можете ставить двойку, а другим не нужно. Я не хотел, у меня случайно так получилось.– бормотал он себе под нос, а я затаив дыхание исподтишка смотрела на него. Не выдал меня. Он, конечно, сам первый начал, но если бы я не принесла дурацкий лизун в школу, то вообще бы ничего не было. Значит началось то все с меня.

– Случайно или не случайно, а получилось как получилось. Зачем ты это сделал? У себя дома ты так же позволяешь себе?

– Я не...

– И мама, что на это говорит? Радуетесь?

– Не радуется.

– Вот и я не радуюсь! Огорчаюсь, но никак не радуюсь, в классе только летом сделали новый ремонт. И как нам теперь твое пятно оттирать? Будешь заново красить потолок?

– Придумаю что-нибудь...

– Пусть мама сегодня после уроков приходит ко мне. Будет оттирать твои художества. Да, уйдет с работы, отпросится, но ототрет, потому что нельзя так запросто брать и пор-

тить. Понятно?

– Хорошо.

– Вот и хорошо, что хорошо. Класс, тетради мне на стол. Скажите спасибо Сереже за то, что вы не успели дописать. Звонок через минуту, можете начинать собираться на музыку. Ребята загудели, я обернулась назад, и увидела как Ангел смотрит на меня и, качая головой, улыбается, типа «видишь, все нормально закончилось».

Только мне кажется, что совсем не нормально.

Я наклонилась к Сереже и сказала.

– Спасибо.

– Отстань, – сердито ответил он, и смахнув пот с лица, начал убирать тетрадки в портфель.

– Хочешь, твою работу тоже сдам? -спросила я.

– Можешь сдать, там все равно ничего нет.

Я встала и отнесла тетрадки на край учительского стола. Когда я подошла к парте, Сережа уже собрался, но не уходил, а насупившись ждал меня.

– Ну что ты, давай вместе ототрем с твоей мамой все после уроков?

– Твой отец придет чистить потолок?

– Сомневаюсь, -пожала плечами я, а дедушка точно придет, он знаешь как в растворителях всяких разбирается, этого пятна вмиг не будет.

– Главное, чтобы и стена осталась, -наконец засмеялся Сережа, и я засмеялась вместе с ним.

– Ты домой сейчас?

– Домой, буду маму морально подготавливать. А ты?

– Тоже, Юлька на улице ждет.

– Тогда до завтра.-пожал плечами Сережа.

Я махнула рукой ему на прощание, и выбежала из школы.

Там около клумбы стояли Юлька, Ангел, Ключка и Якут.

– Три часа тебя ждем, -зашипела Юлька, -все благодарила своего спасителя?

– Ты что бесишься? Он же защитил меня, -насупившись, пробубнила я.

– Я тебе сразу сказала, что идти в школу с этой штукой плохая идея. Не принесла бы, ему бы и защищать не пришлось.

– А может ей понравилось, что он ее защищал, будто не понимаешь, -засмеялся Якут.

Юлька гулко вздохнула и покачала головой.

– Гулять пойдем? -спросила я у всех.

– Я не смогу, сейчас мама приедет за мною, она говорит, дела какие-то есть, – сказал Ангел.

– Я тоже домой, отец сегодня в командировку уезжает, будем провожать его. Теперь только через две недели вернется.-отрезала Юлька.

Ее отец военный, поэтому обо всех его командировках она говорит с такой гордостью, будто у него, что не командировка, то новый подвиг.

– А ты, Ключ? -спросил Ангел.

– Я свободен.

Перспектива гулять только с Кловом была очень сомнительной и предполагала ближайшие два часа молчания, поэтому я подошла к Юльке и сказала.

– Я тоже пойду домой, мне надо уроки доделывать.

– Раз так, то и я домой.-сказал Якут.

Мы попрощались и быстро пошли в сторону дома, по пути ещё миллион раз обсудив лизун, сегодняшнюю самостоялку и Сережин подвиг. А у перекрестка мы, как всегда, разошлись, Юлька-направо, Якут-налево, а я прямо.

Дедушка еще из сада увидел, как я подхожу, и потому быстро открыл дверь. Он выглядел расстроенным, но не сказал почему, вообще ничего не говорил. Я быстро поднялась по порогам на террасу, где сидела бабушка, монотонно натирая тряпками банки из-под огурцов и помидоров.

– Что случилось, ба?

Она на минуту оторвалась от банок.

– Кот пропал.

Пропавший не всегда значит найденный.

Кота мы искали весь вечер, пришлось даже сходить за ребятами. Каждому было дано задание искать в районе своего, и стараться не приносить похожих котов. Последнее оказалось сложным, потому что улицы на которых мы жили, были полны котов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.